

ВЫ ВЫШЛИ ИЗ «ШИНЕЛИ» ГОГОЛЯ

— Да-да: вы вышли из
«Шинели» Гоголя;
Вы — выжили,
Осилили,
Сумели?
Ну, что ж: ходите,
Опустивши голову,
Меж вышедших
Из сталинской
Шинели.
Да: Птица-Тройка
Сделалась тачанкою;
То мнутса кони,
То — несут без удержу.
Сменить коней?
Найди таких отчаянных!
А и найдутся —
Их не пустят
К упряжи.

Кто из какой шинели —
Вот задачка!
Дай бог,
Чтоб не верёвка —

Кони — в мыле!

И прячет
Под кровать топор
Башмачкин,
Ворча под нос:
«Имею право,
Или?..»

НЕ ОДНО — ОДНО И ТО ЖЕ

Не одно —
Одно и то же:
Вровень, да
Сравнить нельзя!
Меришь
Близкое с похожим,
А оно —
Ни так, ни сяк!

Двадцать градусов
ПРОХЛАДЫ —
Это летом, mon cheri!
А во время
Листопада —
Двадцать градусов
ЖАРЫ.

Александр Попов, литературное имя — Александр Попов-Гинзберг. С детства писал стихи, увлекался рисованием, скульптурой и естественными науками: в 1984 г., в канун семнадцатилетия, заболел рассеянным склерозом. В 2004-м году увидела свет книга «один на один с болезнью», выходявшая трижды. В жизни, проходившей рядом с болезнью, был рабочим и студентом, репортёром, редакционным журналистом и заместителем главного редактора, писал сценарии документальных фильмов, демонстрировавшихся на фестивалях и федеральных телеканалах «РТР» и «Культура». Ведёт свой YOUTUBE канал «Рассеянный склероз: рядом, но не об руку с ним».

Платой
В счёт явления
Чуда
В юности —
Хоть вниз с моста!
Там — минута,
Тут — минута.
А — поди-ка,
Сопоставь!

Ветром
Слов пушинки
Носит.
Слово —
Бурю принесёт:
Ничего не веся
Вовсе —
Перевешивает
Всё!

СТИХИ ПОЛОЖЕНЫ НА МУЗЫКУ

Стихи положены
На музыку,
Гвоздями-нотами
Прибиты;
Не книги ждут
Беспечных узников —
Пюпитры!

Стихи на музыку
Положены,
Прижаты к музыке
До хруста:
Лежат стихи
В красивом ложе
Прокруста.

Стихи положены
На музыку:
Избранники судьбы,

Счастливыцы!
Но кажутся
Нарядно-грустными
Их лица.

Стихи на музыку
Положены:
Им с нею жить —
Единой плотью!

...Им помнить больше
Не положено
Свои
Мелодии.

ЭПИЧЕСКОЕ

По ту сторону
Зари
Гнёзда вьют
Вороны,
И оттуда слышен
Крик
Их
Потусторонний.

У ворон
Что крик,
Что лик —
В толкотне и гаме;
Даже радуга при них —
В чёрно-серой
Гамме!

По утрам
Усталых птиц
Стайкой —
К «Гастроному» —
Жмутся лица,
А у лиц —
Вид
Потусторонний.

Купят,
Ровно разольют,
Крякнут без азарта...

И куда-то за зарю
Улетят
До завтра.

КОГДА-НИБУДЬ — КАК НИ ГРУСТИ

Когда-нибудь —
Как ни грусти,
Как ни бунтуй,
Как ни юродствуй —
Один оставшись на один
С любовью, ревностью и злостью,
С привычкой, нежностью, теплом,
Со слепотой — «не дальше носа»,
С надеждой — хрупкой, как стекло,
И болью — острой, как заноза,
Из нас двоих — один возьмёт
Всё это
В руки,
В душу,
В сердце...

И — не найдёт,
И — не поймёт,
Как совладать
С таким
Наследством.

Word открой и набери
Слово наугад любое:
«Человек»,
«Рассвет»,
«Любовь»...

Слово — следом за собою —
Приведёт шеренгу слов:
Тихих, звонких, и колючих,

Разных «нет» и разных «да»,
Слов, годящихся «на случай»,
И — годящихся всегда;
Слов, ведущих в лабиринты,
В бурелом, где ногу чёрт
Сломит:
Слово набери ты —
И оно откроет счёт
Твой!

Рождённое тобою —
Поведёт тебя с собой;
Бросит в бой, спасёт из боя,
И — обратно бросит в бой.
«Нечет» приравняет к «чёту»,
Назовёт себя «судьбой»...
Ну, а ты —
Плати по счёту
Слова,
Данного
Тобой.

САМОДЕЯТЕЛЬНЫЙ САЛЮТ

Трещало небо хрупко:
Взлёт, вспышка, недолёт...
Так лёд ломает шлюпка —
Неверный, первый лёд;
Так в деревянном доме
На чердаке — шаги,
Где под ногами стонут
И гнутся потолки.
Так...
Но салют, отгрохав,
На землю оседал,
И тишина оглохла —
Наверно, от себя.

А в пустоте звенящей
Шёл кто-то, теша спесь,
Всем звёздам доказавший,
Что он
На свете
Есть!

СЕЛЬСКОЕ

...Шло, время, а потом — прошло...

Томится в зарослях сирени
Теперь — подобие деревни,
А в прошлом — крепкое село.

С тех самых пор
Здесь всё — «потом»,
«Когда-нибудь»,
«Быть может»,
«Вскоре»...
Лишь на расхристанном заборе
Спит кот — извечный понятой.
А за забором — озерцо
Под ивами в покое тихом;
И водомерки
Нервным тиком
морщият тёмное
Лицо.

В саду заросшем нет пути;
В репьях, крапиве, пятнах солнца
Стоит замшелый сруб колодца
С орнаментами паутин.

...Но время вновь придёт сюда,
Страницы лет перелистает,
И всё местами переставит,
И всё развеет.

Без следа.

* * *

Смешны порой
Соседства, но
Иное вовсе
Не смешно:
«Ша!»
Вместе с «ум» —
Закончат
«Шумом».

Как резкий
Свист
Сквозь сумрак
Лунный:
Остро, но так
Неостроумно!
Затейливо, но —
Неумно.

Больны соседства
И странны,
Оставшиеся
От страны,
Где
Поперёк себя
Схлестнулись
В любом
Уездном ППТ
В кирпично-ржавой
Нагоге,
На возвышении
Из тел
Облезлый Ленин —
С шумом
Улиц.

Там, где
В былые времена
Построен
«Дом Культуры» на
Углу
«Крестьянской»
И «Комбеда»,
Хоть не слышать
Ни слов, ни слёз —
Быльём доселе
Не порос
С корнями
Вырванный
Вопрос —
Лихая Пиррова
Победа.

Странны соседства
И страшны
Живой, и —
Умершей
Страны,
Что
Эксгумирована
Всеу.

Звезду
Сменившая
На крест,
Она с собой
Идёт вразрез.
И жутко —
С переменной мест —
Различие
В конечной
Сумме!

ТРОСТЬ

Да:
Я, как спутник,
Нынче ненадёжен:
Иду с опаской,
Медленно бреду.
Красивой тростью
Скован и стреножен,
И — осторожен,
Как на первом льду.

Моя не слишком
Верная опора,
Но всё ж — поддержка,
Всё же на пути
Защита
От нелепого укора:
«С утра надрался,
Господи прости!»

Да, Он простит

Нечаянную грубость,
И мне она —
Совсем не в горле кость.
В своих правах
Уверенную глупость
Теперь смиряет
Лаковая трость.

Бреду себе
Ни шатко и ни валко,
Как будто вброд
По вздувшейся реке.
Смеюсь в душе —
Как уважают палку
В моей до боли
Стиснутой руке.

ВОСЬМОЕ МАРТА

На газетной порванной
Бумаге,
Старыми пестрящей
Новостями,
Гулкий воздух, полный
Терпкой влаги,
Ветер режет
Крупными
Ломтями.

И хватает, выбежав,
В охапку,
Тонкою опутывая
Сетью,
Забулдыгу
В перезрелой
Шапке,
Бережно несущего
Букетик.
Забавляясь, он
Едва ерошит
Рыжий мех
Из канувшего века,
И подмёрзшей,

Безобидной ложью
Тешится,
Слегка давясь
От смеха.

ЗНОЙНЫЙ ИЮЛЬ

Тяжёлым ковчегом
Библейского Ноя,
За тропик полудня
Цепляясь кормою
Плывёт он расплавленно-
Огненным морем
По небу,
По свету,
По лету,
По зною.

Жары одуряющей
Сонная свита
Унылой, понурой,
Нестройной гурьбою,
Как эхо далёкое
Палеолита,
Стопились дома
На пути к водопою.

Кричаще-горячему
Солнцу навстречу,
Сверкающей россыпью
Частой и чёткой
Чёт-нечет, чёт-нечет,
Чёт-нечет, чёт-нечет —
Кузнечиков хор
Отбивает чечётку.

Крутыми ступенями —
Вниз по обрыву,
В объятья прохладно —
Медлительной тени:
Туда, где то шепчут,

То мечутся ивы,
Над омутом тёмным
Склоняя колени.

Густую листву,
Как тяжёлые ставни,
Лучи не прорежут
Стальными клинками,
И дремлют в прохладе
Ленивые камни,
Слегка поводя
Ледяными
Боками.

О ЧЁМ МЕЧТАЕТ ТАНК НА ПОСТАМЕНТЕ?

— О чём мечтает танк
На постаменте?

— Промчатся на атаки
Острие,
Срывая жаркий гром
Аплодисментов
Чужих
Артиллерийских
Батарей!

Но — нет:
Теперь на нём
Играют дети
В воскресные
И праздничные дни;
Потом их по домам
Разносит ветер,
И вновь приносит —
«Взрослыми детьми»,
Что по ночам
Сидят на парапете,
И, в жизни торопясь
Оставить след,
Выводят

Яркой краской:
«Рыжий — педик!»...

...А в баках — ржа,
И пуст боекомплект...

Да, в баках — ржа,
И значит — песня спета,
И в тягость —

Тяжесть
В двадцать тыщ кило...

Мечтает танк
Спуститься
С постаментов,
И сдать
Всего себя —
В металлолом!